

УДК 340

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ДОКТРИНАЛЬНОГО И
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ В РОССИИ
(XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются признаки общественной опасности как важнейшего признака преступления в российской уголовно-правовой мысли в период Российской империи (XIX–XX вв.). Отмечается, что многие составы преступлений в уголовном законе не представляли общественной опасности и могли быть собой административными правонарушениями. Формальное же понятие преступления, которое предпочитал российский законодатель, давало повод не доказывать наличие общественной опасности. Такой подход находил обоснование в работах ряда криминалистов.

Ключевые слова: общественная опасность, правонарушение, уголовное право, формальное определение преступления, безопасность.

***PUBLIC DANGER AS A SUBJECT OF DOCTRINAL AND LEGISLATIVE
INTERPRETATION IN RUSSIA
(XIX – EARLY XX CENTURY)***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Abstract: The signs of public danger as the most important sign of a crime in Russian criminal law thought during the period of the Russian Empire (XIX–XX centuries) are considered. It is noted that many crimes in the criminal law did not pose a public danger and could be administrative offenses. The formal concept of crime, which was preferred by the Russian legislator, gave reason not to prove the presence of a public danger. This approach was justified in the works of a number of criminologists.

Key words: public danger, offense, criminal law, formal definition of crime, security.

Общественная опасность как признак преступления в отечественной уголовно-правовой мысли на системном уровне стала исследоваться с первой половине XIX в., при этом теоретико-политическим истоком изучения этой категории является известный «Наказ» Екатерины II, где в рассуждениях о преступлениях шла речь о «вредности» противоправных деяний, то есть изначально был задан вектор материальной трактовки преступления. В работе того же времени (1767 г.) профессора Московского университета К.Г. Лангера (германского происхождения), которую можно, очевидно, считать научным истоком при исследовании данной проблематики, при дефинировании преступления указывалось, что суть его составляют такие действия, совершаемые по воле самого деятеля, которые «тишину и безопасность общую нарушают ... о великости преступлений рассуждать должно, смотря на то, сколь много потревожено ими общее спокойствие» [1, с. 14]. В дальнейшем такой подход был преобладающим - работы О. И. Горегляда (1815 г.), Г.И. Солнцева (1820 г.), П.Н. Гуляева (1826 г.) и др. Так, П. Лодий, полагая преступление как действие, опасное для общества, отмечал, что конкретное наказание преступнику должно определяться с учетом причиненного преступлением вреда обществу [2, с. 15]. С.А. Протасов, разделяя преступления на виды, основным критерием класси-

фикации считал степень общественной опасности совершенного деяния, в частности, к наиболее тяжким относились преступления против веры, против жизни и здоровья императора, против государственной безопасности, против казны и т.д. [3, с.11] Достаточно определенно на этот счет высказался автор фундаментального учебника по уголовному праву (1866 г.) П.Д. Калмыков, который характеризовал преступление как такое действие, которое «вредно для общества» и соответственно содержит «в себе зло для целого общества» [4, с. 52]. Важное явление подметил А.О. Чебышев-Дмитриев, который отмечал, что в середине XIX в. субъективно – нравственный подход к преступному посягательству постепенно замещается объективно-юридическому подходу, соответственно субъективно-общественный интерес в наказании виновного в преступлении замещается «государственным интересом абстрактной справедливости» [5, с. 33].

И в этом контексте А.В. Петровский, исследуя данный период развития российского уголовного права, отмечает, что «появление признака общественной опасности (вредности) как категории преступного поведения во многом связано с принятием государством на себя обязанности по защите своих подданных, то есть членов того союза, который и создал это образование. Такая защита была возможна за счёт создания определённого миропорядка, детерминирующего законы. Поэтому преступление изначально посягает на этот сложившийся миропорядок, нарушая и разрушая систему, которую государство создаёт. Преступление опасно не проявлениями в деяниях или субъекте, а в том, что это деяние нарушает созданную иерархию ценностей. Оставляя безнаказанным общественно опасное деяние, государство может превратиться в недееспособного «субъекта», показав общественному союзу, да и другим системам свою слабость. Поэтому к тому времени в российской мысли стало ясно, что без определения сущности общественной опасности и вредности деяния невозможно криминологическое понимание уголовно-правового деликта и трудно определиться с нормой и патологией» [6, с. 16]. С этим нельзя не согла-

ситься.

Тем не менее, как ни парадоксально, российское уголовное законодательство пошло по пути германского уголовного права и не стало в нормативное понятие преступления включать материальный признак общественной опасности. Так, в Своде законов Российской империи, где в Книге первой т. XV впервые были инкорпорированы предшествовавшие уголовные акты [7], указывалось: «Всякое деяние, запрещенное законом под страхом наказания, есть преступление» (ст. 1). В принятом в 1845 г. первом полномасштабном уголовном законе – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных [8], по сути, было сходное определение: «преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано» (ст. 4).

Вместе с тем нужно иметь в виду, что со второй половины XIX в. наука уголовного права в России стала довольно интенсивно развиваться, в том числе более детально исследовались признаки преступления, ставился вопрос об отграничении преступлений от иных правонарушений, при решении которого общественная опасность многими учеными определялась ведущим критерием. В частности, Н.Д. Сергиевский обосновывал целесообразность материального понятия преступления, считая общественную опасность важнейшим признаком понятия преступления, и полагая при этом, что формальное определение преступления не несет в уголовное право никакого содержания [9, с. 38]. П.П. Пусторослев отмечал, что в форме постановлений закона государство указывает более или менее определенно, как обязан или имеет право поступать человек при тех или иных условиях. Под правонарушением этот ученый понимал несоблюдение правил объективного права, то есть правового порядка, указывая на разделение уголовных правонарушений на более опасные для правового порядка и менее опасные для правового порядка [10, с. 24] (при этом, правда, общественная опасность, которая должна была разделять указанные уголовные правонарушения, относилась не к деянию, а к исполнителю преступного дей-

ствия, но уже вопрос понимания общественной опасности деяния). Тем не менее, достаточно основательные (особенно в конце XIX – начале XX вв.) разработки российских правоведов-криминалистов, общая направленность которых явно предполагала считать общественную опасность деяния важнейшим признаком преступления, так и не нашли поддержки законодателя Российской империи при генерировании соответствующих уголовно-правовых норм. Подробно раскрывать причины данного феномена мы не имеем в виду – очевидно, это может составить предмет самостоятельного научного исследования.

Выскажем лишь свое предположение, суть которого в следующем. Российская империя представляло собой абсолютистским государство, в котором действующая власть обладала полной политической монополией, и этот фактор принципиально отличал Россию от европейских стран, в том числе от Германии, в связи с чем нижеследующее рассуждение относится только к России. В процессе принятия законов Российской империи решающее влияние имели не ученые, не представители народа (их до 1906 г. просто-напросто не было), а чиновники Правительства, Государственного Совета и Сената, совокупное правосознание которых в сфере уголовного права отказывалось от доктрины общественной опасности прежде всего по политическим причинам.

Дело в том, что формальное определение понятия преступления в российском уголовном законодательстве избавляло правоприменителя от необходимости уточнять вопрос о сущности общественной опасности того или иного состава преступления, определенного в уголовном законе, в том числе по так называемым политическим преступлениям, численность составов которых в новом уголовном законе - Уголовном уложении 1903 г. [11] - заметно выросла, в том числе была установлена уголовная ответственность за «допущение собраний заведомо противозаконного общества» (ст.127), «порицание установленных Законами Основными образа правления» (ст. 128), «публичное выставление сочинения или изображения, заведомо содержащее восхваление тяжкого преступления» (ст. 133), «выдача себя за Члена Российского Императорского

Дома, хотя бы и умершего» (ст. 134), «ослушание законному требованию председательствующего во время нахождения в сословном или общественном собрании лицом, являющимся для такого собрания посторонним» (ст. 140), «умышленное сорвание, повреждение или искажение публично выставленных, по распоряжению подлежащей власти, объявления или иного правительственного или общественного документа, надписи, герба или иного знака власти» (ст. 155) и др.

Указанные составы преступлений во многом противоречили тенденциям общественно-политического развития России, связанным, среди прочего, с расширением революционного движения, расходились с европейскими ценностями, в рамках которых такого рода деяния не представляли общественной опасности и могли быть собой разве что административными правонарушениями. Формальное же понятие преступления, которое предпочитал российский законодатель (Уголовное уложение 1903 г. не стало исключением: согласно ст.1 «преступным признается деяние, запрещенное во время его учинения, законом под страхом наказания»), давало повод не доказывать наличие общественной опасности указанных выше деяний, и соответственно в судах достаточно было лишь установить формальную противоправность деяний, и тем самым для власти облегчалась задача привлечения к реальной уголовной ответственности лиц за деяния, посягавшие на установленный политический строй.

Библиографический список

- 1.Лангер К.Г. Слово о происхождении и свойстве высшего криминального суда. - М., 1767.
- 2.Лодий П. Теория общих прав, содержащая в себе философское учение о естественном всеобщем государственном праве. - СПб., 1828.
- 3.Протасов С.А. Программа для испытания студентов по окончании 1829-

1830 академического года. - Казань, 1830.

4.Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. - СПб., 1866.

5.Чебышев – Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. - Казань, 1862.

6.Петровский А.В. Истоки материального взгляда на определение преступления в работах правоведов ХУ111 – начала XIX вв. // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 3. С. 12-18.

7.Законы уголовные // Свод законов Российской империи. Т. XV. Книга первая. - СПб., 1832.

8.Уголовное уложение от 22.03.1903 г. // ПСЗ-3. № 22704.

9.Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пг., 1914.

10.Пусторослев П.П. Анализ понятия о преступлении. - М., 1892.

11.Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08. 1845г. // ПСЗ-2. № 19283.

Оригинальность 75%